

8. Selevko G. K. Sovremennye obrazovatel'nye tehnologii. M.: Narodnoe obrazovanie, 1998.
9. Chernyh A. Ukrupnenie — mat' uchenija // Kommersantъ. 2012. № 211 (4996).
URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2061956.html> (data obrashchenija: 01.08.2013).
10. Jamburg E. A. Standart pedagoga shkoly dlja vseh // Prosveshchenie. 2013. № 4.
URL: <http://prosvpress.ru/2013/04/standart-pedagoga-shkolyi-dlya-vseh/#more-3657.html> (data obrashchenija: 01.08.2013).

С. Т. Посохова

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ ЛЕНИ

Статья посвящена поискам этических координат интерпретации и оценивания лени, которая сегодня становится все более популярным объектом научного исследования. Лени рассмотрена в координатах «моральный долг — влечение». Привлечены некоторые философские концепции, высказывания ученых, философов, а также мифы, сказки, пословицы, транслирующие из поколения в поколение этические установки и ценностные ориентации общества. Показана сложность объяснения психологического смысла лени с позиции или морального долга, или порока в современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: лень, этика, этические координаты, моральный долг, влечение, труд, порок, удовольствие.

S. Posokhova

Ethical Aspects of Psychology of Laziness

The article discusses the ethical coordinates of the interpretation and the evaluation of the laziness which is becoming a popular topic of research. The laziness is regarded in two coordinates — “moral duty — inclination” based on philosophic theories, myths, fairy tails, sayings and folk wisdom. The psychological complexity of the concept of laziness in the modern socio-cultural environment is shown.

Keywords: laziness, ethics, ethic coordinates, moral duty, inclination, labor, vice, pleasure.

Все многообразие взаимоотношений человека с окружающим миром и собственным Я, с одной стороны, определяется механизмами саморегуляции, упорядочивающими его поведение и позволяющими ему жить по своим желаниям и своей воле. С другой стороны, общество создает целый ряд систем управления этим взаимодействием, но, преимущественно, — с позиции соответствия общественным эталонам и ожиданиям, правилам и предписаниям, которыми должен руководствоваться человек в своей жизни. Этика — одна из таких сис-

тем, задающая координаты не только описания, но и социального оценивания поведения, межличностных отношений, характера человека. Этикой определяется степень сближения каждого действия человека со сложившимися в обществе оценочными координатами. Несмотря на то, что этика призвана обеспечивать внутреннюю стабильность и целостность общества, предупреждать его от деструкций и в целом от распада, основная ее задача, как полагает С. Л. Рубинштейн, заключается в том, чтобы поднять человека на высший уровень бытия.

Этические нормы, в первую очередь, акцентируют масштабы ответственности человека за свои поступки по отношению к другим людям. Поскольку все поступки совершаются взаимодействующими между собой людьми, постольку любой поступок одного человека может стать источником реального изменения условий жизни другого. Мерой этичности служит степень близости реального и образцового поведения, т. е. принятого другими людьми, одобренного ими. В том случае, если поведение конкретного человека не соответствует эталонному, удалено от него, обществом накладываются определенные санкции, нередко — довольно жесткие [22].

В рамках данной статьи невозможно осветить все сложившиеся к настоящему времени этические концепции, проследить их социальную и культурную трансформацию, роль в объяснении реальных жизненных феноменов. Ограничимся анализом лишь некоторых из них.

Практически целый век разделяет по своему выдающихся ученых — С. Кьеркегора, датского писателя, теолога, философа, и С. Л. Рубинштейна, отечественного теоретика и методолога психологии. Объединяют их поиски эстетических и этических начал человеческой личности, определяющих ее гармоничное развитие. Опираясь на их глубокие философские размышления об особенностях человеческих отношений, мы можем считать ключевыми этическими координатами не столько независимые друг от друга, сколько противостоящие друг другу «долг и наслаждение» С. Кьеркегора или «моральный долг и влечение» в терминологии С. Л. Рубинштейна [22; 14].

Моральный долг означает круг осознанных человеком, добровольно принятых на себя обязательств, его личную задачу во взаимоотношениях с окружающими людьми и с миром, диапазон ответственности, силу побуждения к действиям ради достижения неоспоримой, социально или лично значимой цели. В то же время моральный

долг концентрирует в себе все социально ценное, одобряемое, социально приемлемое, нормативное, включая все созданные социумом ограничения и запреты. Развитое чувство долга, воспитанное, в первую очередь, требованиями и мнениями окружающих людей, создает основания для поступков, совершаемых или без вопросов «почему?», «для чего?», «какой смысл?», «какая мне от этого польза?», или вопреки этим вопросам.

Влечения скорее отражают спектр удовольствий, присущих отдельной личности. Соотношение морального долга и влечения изменяется в зависимости от уровня этического бытия и уровня личностного развития человека. Хотя совпадение морального долга и влечения означает высший уровень развития человека, не исключено их расхождение. При расхождении человек действует либо из сознания долга вопреки своему влечению, либо по влечению при внешнем соблюдении норм и правил без действительного их принятия вплоть до полного игнорирования. В обоих случаях человек попадает в достаточно тяжелый и не всегда быстро разрешаемый этический конфликт [22].

Еще одно основание для выбора этических координат, с точки зрения С. Л. Рубинштейна, заключается в соотношении *общего и частного*, выражающем противоречие между любыми моральными положениями и действительностью. При этом общее положение предполагает нечто типовое, генерализованное, частное же — применение общего в конкретной ситуации. С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что общее моральное положение не всегда адекватно конкретному случаю, а следовательно, не разрешает конфликта, заключенного в сложившейся жизненной ситуации. Полное подчинение единичного общему лишает единичное статуса самостоятельности, независимости. Масштабные категории, которыми оперирует общее, например, «эпоха», «формация», «цивилизация» и т. п., не ка-

саются забот, тревог и радости конкретного человека. Согласно некоторым философским взглядам, человек входит в мир не только для того, чтобы выполнять разные роли и функции, а чтобы жить свободно, по собственному усмотрению, по собственной воле и желаниям. В центре самосознания и самопереживания находятся важные только для конкретного человека интересы, смыслы, отношения, ценности и т. п., объективная истина отодвигается на периферический план [26]. Поэтому для моральной жизни человека важнее найти центр тяжести собственной жизни, определить суть осознанной и неосознанной философии именно его жизни, а не жизни человечества вообще [22]. Глубинная идея ряда философских работ С. Кьеркегора заключается в том, что единичное выше, «истиннее» всеобщего [цит по: 26].

С. Л. Рубинштейну принадлежит также идея о неожиданном, на первый взгляд, основании для определения этических координат психических явлений. Речь идет о противоречии между *моральной нормой будущего и настоящей жизнью человека*. Остается сожалеть, что содержание этого противоречия не раскрыто в последующих работах ученого. Однако можно предполагать, что противоречия действительности, которые не всегда могут быть объяснены с позиций этики сегодняшнего дня, найдут объяснение с позиций этики будущего, отражающей новые социокультурные преобразования и научные достижения. В наше время трансформация традиционных этических координат, а главное, — необходимость насыщения их дополнительным содержанием, связана, например, с научными достижениями в области психологии человека. Уместно вспомнить, что так называемая старая этика, требовавшая подавления всего темного, злого в человеке ради его совершенства и не учитывавшая силу неосознаваемого, не смогла дать однозначную оценку всем возникшим в XX веке проблемам личности. По мнению Э. Ноймана, ста-

рая этика оказалась не способной не только не предупредить, но и затормозить деструктивные тенденции в обществе. Развивая идеи глубинной психологии, он вкладывал в новую этику идею интеграции и целостности личности, сохраняя при этом непреходящую ценность добра [18].

Возникает далеко не случайный вопрос о том, с какими этическими координатами соотносится лень. С одной стороны, сегодня трудно найти сферу жизни, где бы лень не порицалась, не осуждалась. Особенно часто апеллируют к ней как к символу негативной общественной оценки личности при воспитании подрастающего поколения, хотя в большинстве случаев в ней заключается, главным образом, родительское или педагогическое отношение к поступкам и к действиям детей, несбывшиеся ожидания старшего поколения. Распространяющаяся в виде прокрастинации лень вызывает если ни явное порицание, то заметную обеспокоенность руководителей производств. Негативные последствия лени, в частности, появление препятствий для самореализации, личностного роста, профессионального успеха и т. п., становятся основанием для активного включения разных специалистов в «борьбу» с ней. С другой стороны, лень признается источником счастливой продолжительной жизни, стимулом разнообразных талантов, одним из «двигателей» прогресса. Более того, она становится все более востребованной в условиях обрушившихся на человека интенсивных информационных потоков, а также неопределенности, экстремальности и риска сегодняшней социокультурной ситуации. Этика, обладающая проверенными временем и антропологическими революциями общественными критериями, например «добро — зло», «долг — влечение», может расширить социальный, культурный и личностный смысл лени, определить критерии ее полезности или вредности для развития не только личности, но и общества, уточнить необходимость или ненужность вторжения в «борьбу» с ней.

Возникает надежда, что благодаря этике можно если не остановить, то заметно ослабить социальные и педагогические обвинения тех, кто склонен к лени.

В круг поисков ответа на вопрос об этических координатах лени нами был включен анализ не только разных, далеко не однозначных этических воззрений, но и памятников культуры, транслирующих из поколения в поколение этические установки и ценностные ориентации общества. Особое место среди памятников культуры, раскрывающих этический смысл лени, занимают мифы, сказки, легенды, песни, поговорки, пословицы. Этический смысл приобретают также философские изречения ученых, писателей, в которых разные стороны уникального индивидуального мироощущения синтезируются в общую целостную картину мира, закладывается ценностный смысл практически всех феноменов бытия человека.

Даже самый сжатый анализ таких памятников убеждает, что долгое время внимание сосредоточивалось, главным образом, на нравственном смысле лени, точнее, — на нравственно-негативном смысле. Акцент отчетливо делался на порочности лени. В этике к порокам относились как дурные, противные нравственным позициям поступки, суждения и помыслы, так и результаты подобных поступков и греховных склонностей. Порок приписывался также отрицательным духовно-нравственным качествам личности, которые порождали страсти и стремления к их удовлетворению [23].

Опасность порока для нравственного развития человека и существования общества в целом привела к тому, что неоднократно предпринимались разные попытки их структурирования. Считается, что одна из первых таких попыток была сделана еще в IV веке греческим христианским богословом и монахом Евагрием Понтийским, который строго упорядочил восемь основных грехов: чревоугодие, блуд, сребролюбие (жадность), печаль, гнев, уныние, тщеславие, гордость.

Если обратиться к данной классификации, то можно увидеть, что лень как самостоятельный порок в ней отсутствует. Дело в том, что лень долгое время отождествлялась со скукой и объединялась с ней в один порок — уныние. Позднее, в VI в., Григорий Великий — последний античный Римский папа — поставил гордость на первое место, рассматривая ее как корень всех остальных пороков, включил в систему отсутствующую зависть, объединил печаль и уныние в один порок со значением *лень*. Спустя длительное время, уже в XIII в., философ и теолог Фома Аквинский, создавая иную последовательность, отводил лени ведущее положение: лень, зависть, гнев, уныние, жадность, чревоугодие, блуд. Ему же принадлежит мысль о том, что порок — устойчивая склонность к нравственно негативным поступкам, которая возникает в результате намеренного и добровольного стремления к преходящим благам [6].

Статус порока, связь со всеми грехами в разной мере приписываются лени не только религиозной этикой, но европейским, азиатским, африканским, американским, австралийским фольклором. Нами было проанализировано 17 сказок, выбранных в случайном порядке. В них лень отчетливо объединяется с социально порицаемыми качествами личности, в том числе с завистью, недоверием, равнодушием, ложью, скукой, жадностью, стремлением к богатству, злодейством и агрессией, а также с глупостью. То, что лень противостоит нравственным ожиданиям общества, усиливается негативным отношением к ней окружающих людей. В сказках лень наказуема, а длительное пребывание в состоянии лени превращается в настоящее испытание для человека, которое сравнивается с адом. Герои сказок чувствуют себя вполне счастливыми тогда, когда лень успешно преодолена.

Линию нравственно негативной оценки лени поддерживает Библия, предупреждая о пагубных ее последствиях, и продолжают литературные памятники разных

эпох и жанров. Примером тому служит «Божественная комедия», созданная в начале XIV в., где гением Данте унылые, которые в то время объединяли и ленивых, помещаются в пятый круг Ада; «Корабль дураков» — сатира конца XV в. С. Бранта, в которой лень отождествляется с глупостью и намечается ее связь с современной прокрастинацией; «Похвала глупости» — сатира Э. Роттердамского, появившаяся в начале XVI в., где лени отводится определенное место среди постоянных спутниц глупости: лести, забвения, наслаждения, чревоугодия и т. п. [3; 8; 21].

Конечно, развитие культурных традиций и научных подходов, а также самих этических систем внесло свои коррективы в понимание сущности лени. Тем не менее, следует признать, что нравственный негативный смысл стал неизменным ее атрибутом, сохраняющимся до сих пор. Показательно, что в начале XXI в. вышла в свет серия книг, посвященных смертным грехам человека: гордыне, алчности, похоти, зависти, чревоугодию, гневу. В эту серию вошла во многом оригинальная работа В. Вассерштейн. Автор попыталась разрушить нравственно негативное клише смысла лени и осветить ее притягательность для современного человека [4].

Вполне очевидно, что приписывание лени смысла порока удаляет ее от такой этической координаты, как долг, поскольку сущностными признаками порока считаются страсть и влечение. Заметим, что в этике порок рассматривался как господство влечений, удовольствий над должным, как преобладание внешнего, телесного над внутренним, духовным. Основная причина пороков, так же, как и их суть, часто сводилась к переживанию страсти; порок отождествлялся со страстью. Признавалось, что при повторяющемся действии страсть усиливается и завладевает человеком. Страсть, достигшая своего максимального проявления, вызывает осуждение, поскольку вступает в противоречие с нормам морали. Однако нельзя

отрицать, что слияние страсти и нравственного, разумного начала в человеке нередко превращается в движущую силу социально важных, преобразующих действий. Пример тому можно найти в пассионарных личностях, страстно стремящихся к преобразованию не устраивающей их реальности [5; 15; 12; 10]. Победа над страстью возможна тогда, когда у человека существует какая-либо жизненно важная цель.

Каждая страсть, воплощающая порок, имеет свой объект, по отношению к которому человек не может быть безразличным, потребность в котором не одолжима и который влечет человека вопреки собственному рассудку или внешним запретам. Так, объект зависти — явные или кажущиеся чужие блага, чревоугодия — пища, алчности — накопления, деньги. Что же представляет собой объект лени как страстного влечения? В чем испытывает потребность ленивый человек? Можно предположить, что объект лени — свобода от долга и ответственности путем отказа от труда, занятий, путем уклонения от напряженных физических, интеллектуальных, эмоциональных, духовных и всех прочих усилий, необходимых для достижения цели. Лени временно освобождает человека от морального долга: от долга трудиться, выполнять свои обязательства по отношению к другим людям или даже по отношению к себе. Известно, что Ф. Ницше приписывал поиски свободы воли там, где человек больше всего связан, где сильнее всего чувство жизни человека. Зависимость от чего-либо, от кого-либо притупляет чувство жизни [17]. Подобный смысл объекта лени подтверждается общим лингвистическим анализом. Так, Д. Сеймур считает, что в XVI веке английское слово «lazy» — *ленивый*, произошедшее от старонемецкого *lasich* или *losich* того же значения, обозначало либо отсутствие намерения работать, либо медлительность, неподвижность, вялость (цит по: [2]). В российской культурной традиции *лень* издавна определялась как «неохота работать», «отвращенье

от труда, от дела, занятий»; «наклонность к праздности, тунеядству». *Ленивый человек* — это тот, кто любит безделье, не желает работать, заниматься, это человек вялый и медлительный [7]. Важно, что в понятие «лень» входит не только физическая вялость, но и духовная инертность.

Понимание лени в подобном ракурсе явно удаляет ее от такой этической координаты, как моральный долг, ответственность, что не может не осуждаться, не порицаться обществом. Подчеркнем, что в культурных традициях, например, в сказках, порочность лени оттеняется ее противопоставлением трудолюбию. В них лень отрицается трудом. Труд — социально одобряем, сопряжен с позитивными эмоциями, порицаемая лень — с негативными. Труд признается одним из средств преодоления лени и наделяется качествами чудодейственного лекарства от нее. Не случайно и то, что в сказках многих народов портрет лентяя — это портрет крестьянина, который попадает в ловушку этического конфликта — конфликта между необходимостью труда для личного существования и существования семьи и стремлением уклониться от него.

Еще со времен Аристотеля считалось, что человек стремится к прекрасному, к полезному и доставляющему ему удовольствие, а избегает противоположенного: постыдного, вредного и доставляющего страдание [1]. Значение удовольствия, наслаждения в жизни человека вылилось даже в самостоятельные философские направления — гедонизм. Для нас в гедонистическом учении важно, пожалуй, не только то, что каждое удовольствие само по себе благо, но и то, что не всякое удовольствие предпочтительно. Истинным удовольствием надо считать только то, которое способствует мудрой, допорядочной и правильной жизни (цит. по: [25]).

Если вновь обратиться к «дофилософским» этикам, то удовольствие человеку доставляют: деятельность в настоящем, надежда на будущее и память о прошлом. Од-

нако самое большое удовольствие доставляет то, что связано с деятельностью [1]. Удовольствие, получаемое от деятельности, стимулирует ее, привязывает человека к ней. Уместно вспомнить слова Аристотеля: «ибо те, кому она (т. е. деятельность) доставляет удовольствие, лучше судят о каждом предмете и более тонко разбираются в деле; так, геометрами становятся те, кто наслаждается занятиями геометрией; соответственно и любящие петь или строить и любые другие мастера достигают успехов в собственном деле, если получают от него наслаждение» [1, с. 327]. Этот, казалось бы, сегодня очевидный и подтвержденный многочисленными психологическими исследованиями факт целесообразно учитывать при организации профилактики и преодоления лени. Напомним, что, по Аристотелю, удовольствие от одних деятельностей препятствует другим деятельностям, а также то, что «страдания, связанные с деятельностями, уничтожают эти деятельности: так, если кому-то неудовольствие и страдание доставляет писать или считать, то, раз эти деятельности причиняют страдания, один не станет писать, а другой — считать» [1, с. 328].

Еще одну возможную этическую координату лени надо искать в удовольствии, которое человек получает от бездеятельного состояния, в положительном эмоциональном фоне, возникающем при удовлетворении потребности в отдыхе. Следует иметь в виду, что удовольствие выражает положительный эмоциональный фон жизни человека при удовлетворении потребностей. Удовольствие близко по смыслу к счастью и нередко отождествляется с ним. С такой точки зрения, лень позволяет человеку пережить если не счастье, то позитивные эмоции от бездействия в стремительно мчащемся куда-то мире, от собственного покоя в суете человеческих отношений, от личного комфорта. В лени человек наслаждается временным освобождением от долга, от груза ответственности. Лень соединяет те-

лесные и душевные удовольствия. Вряд ли можно считать случайным тот факт, что греческая мифология наделяла Афродиту эпитетом «Дарцетос». Дарцетос — признанная покровительница праздной лени. Образ лени — Мисопонии, сидящей со сложенными руками, опершись на локти, — встречается у Э. Роттердамского [21]. Примечательно, что в рисунках современных детей, которым было предложено нарисовать картину под названием «Моя лень», лень изображалась в виде дивана, кресла у телевизора, пляжа, моря и т. п. В сознании детей лень представлена в пространстве отдыха, физиологического комфорта. Взрослые же нередко мягко шутят: «Матушка-лень зовет!». Возможно, что ключ к разгадке сущности лени и глубины ее проникновения в жизнь человека надо искать не только в нарушении механизмов саморегуляции, но и в первую очередь, ориентируются психологические исследования, но и в удовольствии, которое человек получает от этого состояния. При этом надо помнить, что нередко с удовольствием бороться труднее, чем даже с гневом [1].

Даже далеко не полный анализ античных и современных этических направлений дает основания искать ключ к пониманию этических координат лени в триаде «моральный долг — труд — удовольствие». Доминирующее положение в ней следует все-таки отвести труду. На протяжении многовекового развития человечества существовали разные эпохи и разные культуры с неодинаковым, нередко противоположным пониманием сущности и ценности труда, его роли в судьбе человека. Антропологические и технологические революции изменяли содержание и виды труда, требования к человеческим возможностям и способностям, необходимым для трудовой деятельности. Тем не менее надо признать, что содержание и ценностный смысл труда представляют собой тот своеобразный нравственный компас, который указывает направление отношения к лени. Вряд ли можно считать слу-

чайностью или ошибкой Феофраста то, что среди его тридцати этических характеров отсутствует описание человека, склонного к лени [24]. Ранее его учитель Аристотель в «Никомаховой этике», давая широкую панораму социальных и психологических особенностей многочисленных типов характеров или, как называет сам мыслитель, «складов души», также не описывает ленивых [1]. Одна из причин, по всей видимости, кроется в обесценивании труда, прежде всего рабского, в то время проникавшего во все основные сферы производственной жизни Древней Греции, в лишении гражданского содержания труда самих афинских граждан, в отсутствии понимания труда как нравственного долга и ценности.

Роль труда в жизни общества подчеркивалась еще античными этическими системами. Так, Мо-цзы, создавая этико-политические принципы, указывал на связь труда и благополучия. В основе такой связи лежал запрет на лень в работе. Поясняя, почему землепашец не смеет лениться, почему он рано выходит на поле и поздно возвращается, Мо-цзы указывал на то, что, лень обязательно приведет к нищете, голоду. Усердие в работе, напротив, — путь к сытости [20].

Связав лень с трудовым долгом человека, мы должны отдавать отчет в том, что даже доставляющая удовольствие предметная или умственная деятельность не может длиться бесконечно. Никто не способен к непрерывной деятельности, тем более к монотонной, напряженной, в экстремальных условиях. Человек должен уметь отказываться от того, чем он длительное время усердно или даже увлеченно занимается. Несомненно, временный отказ от необходимой работы приносит определенную личную и социальную пользу. К такому выводу подводят опять же сказки, былины. Если вспомнить некоторых сказочных персонажей, например, Емелю, Иванушку-дурачка или легендарного Илью Муромца, то обвиняемые в лени или бездействии эти

сказочные и былинные герои достаточно успешно устраивали свою личную жизнь, достигали материального благополучия и общественного признания. Примечательно, что в последнее время лень упоминается не только как «мать всех пороков», но и как «сестра всех талантов». Жизненная ценность лени заметно возрастет, если вспомнить своеобразный перечень технических изобретений, совершенных «ленивыми» людьми, например появление «корректора», автомата-«караоке», электронной почты и т. п.

Временное изменение жизненного ритма позволяет человеку увидеть и себя, и плоды своего труда с иной точки зрения. Отдых существует ради деятельности: человек начинает замечать то, на что во время интенсивной работы не обращал внимания, что проходило мимо его сознания. О необходимости временного отказа от того, чем занимается человек, о вреде длительной фиксации на чем-то одном и даже о позитивном смысле помех, метафорически высказывался Ф. Ницше: «Только покидая город, ты замечаешь, как высоко над домами возвышаются его башни» [17, с. 269]. Сегодня надо признать, что деятельность требует обязательного досуга.

Кроме того, деятельность может быть не только физической, доступной наблюдению окружающих, но созерцательной, внешне не проявляемой, следовательно, протекающей мимо сознания наблюдателей. Еще в античные времена созерцательной деятельности придавалось большое значение. Так, Аристотель не только противопоставлял созерцание телесности, сковывающей человека. Он признавал созерцательную деятельность высшей. Созерцательная деятельность, с точки зрения мыслителя, не предполагает ни поступков, ни созидания, ни творчества. В ней отсутствуют не только действия, но даже и интерес к действию в обычном смысле, суэта, погоня за материальными ценностями. Созерцание предполагает уединение, жизнь без обязанностей и страстей, что создает уникальные

в жизни человека моменты самоуглубления и единения с природой. Подчеркнем, что созерцание может совпадать с видимым бездействием и наоборот. Созерцательная деятельность непрерывна, так как человек в большей мере способен непрерывно созерцать, чем непрерывно делать любое другое дело [1]. В целом созерцательная жизнь, которую вели ученые, ученые-философы прошлого, считалась идеальной нормой. Уже в XX в. американский промышленник, изобретатель, успешный бизнесмен Генри Форд отметит, что размышление — это тоже большой труд, хотя внешне может показаться, что человек ленится. В данном случае уместно вспомнить строчки стихотворения Николая Заболоцкого «...душа обязана трудиться». Все, что связано с внутренней работой души и мысли — размышления, принятие решения, сочинения, рефлексия — протекает без активного перемещения в пространстве, без явного приложения физических усилий. Внешне может возникнуть ложное впечатление, что думающий человек ленится.

Надо признать, что не все способны к душевной работе в такой же мере как к физической. Вообще, еще в старые времена считалось правилом хорошего воспитания — научить ребенка терять время, так как скука, лень — прекрасное средство для развития воображения. В чем-то сходный взгляд можно найти у И. С. Кона, когда он утверждает, что рефлексия, критическая переоценка ценностей, размышления о смысле жизни, как правило, связаны с некоторой паузой, «вакуумом» в деятельности [11].

Таким образом, анализ культурного достояния и этических воззрений приводит к выводу, что на протяжении длительного времени было создано своеобразное этическое клише понимания лени как нравственного негативного явления в жизни человека. Лень удаляла человека от долга, ответственности и создавала временное ощущение свободы, которой можно было наслаждаться, получать удовольствие и при этом быть

вполне счастливым. В то же время вписать лень в систему координат «моральный долг — наслаждение» без всяких оговорок и поправок довольно сложно. Оказалось, что надо учитывать и содержание труда, и физиологические пределы работоспособности человека.

Поиски этических координат лени отражают необходимость сближения разных научных знаний, в частности, философских, этических, психологических, потребность в общезначимых и в общепринятых основах объяснения человеческого поведения в стремительно меняющемся, полифоничном мире. Предпринимавшиеся до сих пор попытки определения этического статуса лени — как добродетели или как порока — скорее расширили круг вопросов, чем дали внятные ответы для того, чтобы сделать выбор в пользу того или другого этического понимания [16].

Одна из причин расплывчатости этических представлений связана с тем, что социокультурная и психологическая сущность лени определяется большим количеством разнообразных факторов, да и сама эта сущность многоаспектна и не однозначна в трактовке разных специалистов [19]. Сложности неизбежно возникают в связи с динамикой и трансформацией внутренних структур личности, что отражает ее адаптационную пластичность, вектор реагирования на происходящие социальные, культурные, технологические преобразования, а также природные катастрофы. Признается, что определенные личностные структуры меняются значительно быстрее, чем закрепленные поколенными отношениями и философскими канонами этические нормы. Сегодня подчеркивается, что в стремлениях личности преобладает ориентация вовне, на внешний мир, точнее, вещный мир. Деловой и профессиональный успех, карьерная активность, достойное место в социальной иерархии, самопрезентация, самореализация, имидж — далеко не полный перечень требований, на которые должен отвечать

человек с целью принятия его окружающим миром. При такой доминанте построение же своего внутреннего мира, создание храма души представляет большую трудность и дано далеко не каждому [13]. Бесспорно, что трансформация личностных структур отражается не только на смысле лени отдельного человека, но и на общественном видении этого феномена.

Более того, на фоне социальных и культурных преобразований мутируют также такие понятия, как «этика», «этическое», «этические ценности», «этические критерии», «тип этического поведения». Происходящие изменения — прямое следствие слабости системы прежних устаревших этических ценностей и поисков новых, более адекватных нынешней социокультурной ситуации.

Формулирование этических правил, ценностей в отношении ряда психологических феноменов, в частности лени, затруднено в силу неопределенности, а следовательно, многозначности понятий «добро», «хорошо», «полезно». Практика оказания индивидуальной психологической помощи обычно требует уточнения «кому хорошо», «для кого полезно», «в чем личностный смысл добра» и т. п. Несмотря на обобщенный смысл этических норм, их реальное применение сталкивается с индивидуальной жизненной ситуацией личности, которая может создавать далеко не простой этический конфликт.

Безусловно и то, что вряд ли можно найти хотя бы одно какое-либо правило или ценность, которые при определенных обстоятельствах не превратились бы в свою противоположность, например, вместо защиты добра стали бы барьером для него. Любое правило этики, видимо, применимо с некоторыми ограничениями, любая этическая ценность имеет границы этического смысла.

В результате выбор конкретных этических координат, который совершается по принципу: «или порок — или добродетель»

— вряд ли возможен. Конечно, эта проблема выбора этических координат лени далека от полного разрешения. Однако трудности не должны означать отказа от решения проблемы или признания ее неразрешимой. Сегодня потребность возвращения этики в практику жизни ощущается особенно остро. К этике обращаются в бизнесе, в политике, в спорте, в профессиональной деятельности, прежде всего в системе «человек — человек», а в последнее время и в системе «информация — человек». Сегодня все чаще говорят о нравственном кризисе, о нравственных парадоксах, которые сопровождают жизнь и деятельность как личности, так и общества в целом. Поэтому определение этических координат лени — это возможный шаг к этическому единению личности и общества. Внутренняя целостность, согласованность проявления разных ипостасей личности, необходимые вопреки внешней хаотичности, требуют изучения этических координат общества и всех психических феноменов личности, в том числе и лени, с позиций системного гуманитарного знания.

Если продолжать этическую линию исследований лени, то имеет смысл обратиться к особенностям настоящей социокуль-

турной ситуации, которая может трансформировать, содержательно дополнять и этические координаты, и социальный смысл лени. Тем более, что сегодня появилось, на первый взгляд, странное мнение о том, что в XXI веке вполне вероятно новое рождение лени [9]. Его странность — в том, что возможности самореализации современного человека значительно возросли, благодаря, прежде всего, масштабному внедрению информационных технологий.

Новая информационная ситуация позволяет совершенствоваться и креативно решать актуальные жизненные задачи, преодолевая пространственные и временные границы. Возросший темп жизни требует не только ускорения, но и преобразования традиционных программ адаптации. Именно поэтому в выборе сфер и форм взаимодействия с постоянно изменяющейся реальностью, в конструировании адекватных времени стратегий адаптации и реконструкции старых, в обеспечении необходимого качества жизни заметным образом возрастает роль собственного Я. И, как следствие этого, — ответственность личности за происходящее с нею и вокруг нее превращается в ключевой фактор расширения границ и сфер самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Энциклопедия истории психологии: В 5 т. Развитие психологических знаний с древнейших времен до конца античности / Под ред. Е. С. Романовой, В. В. Рябова, Л. П. Кезиной. М.: Центр «Школьная книга», АО «Московские учебники», 2001. Т. 1. С. 263–342.
2. *Богданова Д. А.* Психологическая диагностика лени как конфликта саморегуляции // Справочник практического психолога. Психодиагностика / Под общей ред. С. Т. Посоховой. М.: СПб., 2005. С. 595 – 619.
3. *Брант С.* Корабль дураков // Избранное. М.: Художественная литература, 1989. С. 31–167.
4. *Вассерштейн В.* Ленин. М.: АСТ, Астрель. 2006.
5. *Гумилев Л. Н.* Этнос и биосфера земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
6. *Гусейнов А. А.* Введение в этику. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 2.
8. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. М.: Эксмо, 2011.
9. *Жукова О. А.* Похвала лени // *Вассерштейн В.* Ленин. М.: Астрель, 2006. С. 7–30.
10. *Канышева М. А.* Проблемы исследования феномена страсти в современной психологии // Будущее психологии / Под ред. Е. В. Левченко, А. Е. Деменовой. Пермь: ПНИУ, 2011. С. 50–54.
11. *Кон И. С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
12. *Кон И. С.* Сексология. М.: Академия, 2004.
13. *Корольков А. А.* Духовный смысл русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006.

14. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов н/Дону: Феникс, 1998.
15. Лоркус А. Психология страсти // Слова подвижничества. М.: Правило веры, 1993.
16. Михайлова Е. Л. Ленъ как добродетель и ленъ как порок: к определению статуса явления // Психология и мораль / Под ред. В. Н. Куницыной. СПб.: Речь, 2004. С. 176–181.
17. Ницше Ф. Странник и его тень // Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. С. 137–282.
18. Нойман Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб.: Академический проект, 1999.
19. Посохова С. Т. Ленъ: психологическое содержание и проявления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Вып. 2. СПб., 2011. С. 159–166.
20. Развитие психологических знаний с древнейших времен до конца античности. // Энциклопедия истории психологии: В 5 т. / Под ред. Е. С. Романовой, В. В. Рябова, Л. П. Кезиной. М.: Центр «Школьная книга», АО «Московские учебники», 2001. Т. 1. С. 56.
21. Роттердамский Э. Похвала глупости. Харьков: Литера Нова, 2011.
22. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
23. Стратановский Г. А. Феофраст и его «Характеры» // Феофраст. Характеры. М.: Ладомир, 1993.
24. Феофраст. Характеры. М.: Ладомир, 1993.
25. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
26. Яковлев В. Серен Кьеркегор и Лев Шестов // С. Кьеркегор. Наслаждение и долг. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 380–383.

REFERENCES

1. Aristotel'. Nikomahova etika // Entsiklopedija istorii psihologii: V 5 t. Razvitie psihologicheskikh znaniy s drevnejshih vremen do konca antichnosti / Pod red. E. S. Romanovoj, V. V. Rjabova, L. P. Kezinoj. T. 1. M.: Centr «Shkol'naja kniga» AO «Moskovskie uchebniki», 2001. S. 263–342.
2. Bogdanova D. A. Psihologicheskaja diagnostika leni kak konflikta samoreguljatsii // Spravochnik prakticheskogo psihologa. Psihodiagnostika / Pod obshchej red. S. T. Posohovoj. M.; SPb., 2005. S. 595–619.
3. Brant S. Korabl' durakov // Izbrannoe. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1989. S. 31–167.
4. Vassershtejn V. Len'. M.: AST Astrel', 2006.
5. Gumilev L. N. Etnos i biosfera zemli. L.: Gidrometeoizdat, 1990.
6. Gusejnov A. A. Vvedenie v etiku. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1985.
7. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. M.: Russkij jazyk, 2002. T. 2.
8. Dante Alig'eri. Bozhestvennaja komedija. M.: Eksmo, 2011.
9. Zhukova O. A. Pohvala leni // Vassershtejn V. Len'. M.: Astrel', 2006. S. 7–30.
10. Kanysheva M. A. Problemy issledovanija fenomena strasti v sovremennoj psihologii // Buduwee psihologii / Pod red. E. V. Levchenko, A. E. Demenevoj. Perm': PNIU, 2011. S. 50–54.
11. Kon I. S. Psihologija rannej junosti. M.: Prosveshchenie, 1989.
12. Kon I. S. Seksologija. M.: Akademija, 2004.
13. Korol'kov A. A. Duhovnyj smysl russkoj kul'tury. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2006.
14. K'erkegor S. Naslazhdenie i dolg. Rostov n/D: Feniks, 1998.
15. Lorgus A. Psihologija strasti // Slova podvizhnicheskija. M.: Pravilo very, 1993.
16. Mihajlova E. L. Len' kak dobrodetel' i len' kak porok: k opredeleniju statusa javlenija // Psihologija i moral' / Pod red. V. N. Kunitsynoj. SPb.: Rech', 2004. S. 176–181.
17. Nicshe F. Strannik i ego ten' // Maloe sobranie oschinenij. SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011. S. 137–282.
18. Nojman Je. Glubinnaja psihologija i novaja etika. Chelovek misticheskij. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999.
19. Posohova S. T. Len': psihologicheskoe sodержanie i projavlenija // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12. Vyp. 2. SPb., 2011. S. 159–166.
20. Razvitie psihologicheskikh znaniy s drevnejshih vremen do kontsa antichnosti. // Entsiklopedija istorii psihologii: V 5 t. / Pod red. E. S. Romanovoj, V. V. Rjabova, L. P. Kezinoj. M.: Tsentr «Shkol'naja kniga», AO «Moskovskie uchebniki», 2001. T. 1. S. 56.

21. *Rotterdamskij E.* Pohvala gluposti. Har'kov: Litera Nova, 2011.
22. *Rubinshtejn S. L.* Problemy obshchej psihologii. M.: Pedagogika, 1973.
23. *Stratanovskij G. A.* Feofrast i ego «Haraktery» // *Feofrast.* Haraktery. M.: Ladomir, 1993.
24. *Feofrast.* Haraktery. M.: Ladomir, 1993.
25. *Fromm E.* Psihoanaliz i etika. M.: Respublika, 1993.
26. *Jakovlev V.* Seren K'erkegor i Lev Shestov // *S. K'erkegor.* Naslazhdenie i dolg. Rostov n/D: Feniks, 1998. S. 380–383.

Ю. В. Мухитова

АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ДЕФЕКТА ЧЕРЕЗ ОЦЕНКУ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Статья посвящена разработке алгоритма определения степени выраженности психического дефекта через оценку когнитивных функций у больных шизофренией. Особое внимание уделяется вопросу диагностического аппарата, позволяющего упростить процедуру определения степени выраженности психического дефекта, разработке диагностических таблиц. Проводимая патопсихологическая диагностика позволяет с применением таблиц диагностического коэффициента объективизировать процесс оценки степени выраженности психического дефекта у больных шизофренией. Разработанный алгоритм определения степени выраженности психического дефекта у больных шизофренией подтверждает свою эффективность на материале экспериментальной и контрольной групп.

Ключевые слова: шизофрения, когнитивные функции, психический дефект, диагностический коэффициент.

Yu. Mykhitova

The Algorithm for Determining the Severity of mental Defect Through the Assessment of Cognitive Function of Patients with Schizophrenia

The article focuses on the development of the algorithm for determining the severity of mental defect through the assessment of cognitive function in patients with schizophrenia. A particular attention is paid to the diagnostic device that allows to simplify the procedure for determining the degree of mental defect, the development of diagnostic tables. Patopsyhological diagnostics allows to objectify the process of assessing the degree of mental defect in patients with schizophrenia through using the diagnostic rate tables. The developed algorithm for determining the degree of mental defect in patients with schizophrenia has proved to be successful both in the experimental and control groups.

Keywords: schizophrenia, cognitive function, mental defect, diagnostic factor.

Определение степени выраженности психического дефекта у больных шизофренией является одной из задач медико-социальной экспертизы при определении группы инвалидности [3]. Дефект — это сложное психопатологическое образование, включающее в

себя патогенетически различные элементы и характеризующее состояние личности больного после выхода из психотического состояния и редукции острых психотических симптомов, псевдоорганических нарушений, определяющих снижение качества социаль-